

Ловля налима руками в средней полосе России

Итак, все упаковано, все готово к отъезду. Завтра утром осталось только погрузить в машину приемник. Он повернул ручку громкости, раздался щелчок, и мягким зеленым светом зажглась шкала с названиями городов: Москва, Будапешт, Берлин... Он с силой крутанул ручку настройки, но стрелочка на шкале сдвинулась совсем не намного – лишь плавно переплыла по малахитовой полоске от одного города к другому. «Плавность настройки и высокая избирательность» - так было записано в паспорте приемника, и так было на самом деле. Этим характеристикам не уступали внешнее оформление и звучание. Между двумя динамиками светился выпуклый стеклянный глазок, внутри которого раздвигались – в зависимости от уровня громкости – два изумрудных лепестка. Звук – по бокам у приемника были еще два динамика поменьше – был глубоким и бархатным и образовывал вокруг самодельной тумбочки-подставки и стоящего рядом легкого плетеного стула особое пространство, в котором было уютно в самые тоскливые деревенские вечера. Сегодня же приемник находился в созвучии с солнечным летним днем и напевал веселую джазовую мелодию.

Да, без приемника в этой дыре можно было бы волком взвыть. А волков в здешних краях в последнее время развелось видимо-невидимо – то ли из-за того, что без руководящей роли коммунистической партии более не проводились плановые отстрелы, то ли из-за того, что нечего было больше от волков охранять: подыхавшее от голодухи колхозное стадо забили на мясо. Он бережно провел ладонью по лакированному корпусу. По значимости в его жизни приемник, пожалуй, мог уступить только рыболовецким снастям, которые уже были аккуратно уложены в специальный ящик, сделанный на заказ из мореной фанеры. Крышка ящика была обита свиной кожей с мягкой подкладкой и могла служить удобным сиденьем. Для перевозки по льду и снегу к низу ящика крепились маленькие лыжи. Сбоку имелись крепления для складной удочки, сделанной финским мастером из отлакированных спичек.

Для того, чтобы открыть ящик, нужно было поднять крышку и потянуть вперед ручку верхнего ящичка. Ящичек вытягивался вперед, открывая под собой еще два точно таких же ящичка. Они были разделены на квадратные ячейки, в которых были разложены снасти: металлические блесны-ложки – белые, золотые, с красными и белыми полосами; выточенные из дерева и покрытые лаком рыбки с тройными крючками под брюшком и хвостом: белые – под пескариков и плотвичек, с зелеными полосками – под окуньков, с красными пятнышками на хвосте – под раненых мальков; у некоторых впереди была пластинка, похожая на оттопыренную нижнюю губу, заставлявшую их погружаться на глубину; спиннеры – блестящие крутящиеся валики с разноцветными перышками и маленькими блесенками; искусственные кузнечики, лягушки, рачки и даже ящерицы; грузила – обычные дробинки, тоненькие и длинные в форме карандашика, толстенькие бомбочки с ушком; поплавки – пробковые, перьевые, круглые, продолговатые, флюоресцентные; в отдельной алюминиевой коробочке хранились искусственные мухи и личинки для ловли нахлыстом. Все это снаряжение увенчивало великое

изобретение англичанина Альфреда Иллингворта - спиннинг, несколько усовершенствованный тем же финским мастером.

Вот уже второе лето проводил он в этой деревне с причудливым названием Рябчичи, в этом стоявшем на отшибе доме, похожем на корабль: к первоначальной пятистенке была приделана большая бревенчатая пристройка, а к пристройке – дощатая веранда и летняя кухня; получалось три крыши, каждая из которых имела свою трубу (в доме было две русские и одна голландская печки). Он сразу же приметил этот дом на холме с большим старым садом. Под холмом была баня, немного в стороне, в овраге, под большими осинами и раkitами – колодец. За баней начинался заливной луг, простиравшийся до речки, за речкой на косогоре высился сосновый лес.

Увидев впервые этот дом, он сразу понял, что жить сможет только в нем: на все остальные деревенские жилища - почерневшие, покосившиеся, вросшие в землю - без содрогания было невозможно смотреть. Что же касается отхожих мест, то их лучше было не касаться. Он до сих пор не переставал недоумевать, почему жители этого лесного края не строили больших домов и больших сараев, почему их многодетные семьи должны были ютиться в одной, от силы двух комнатах, зимой спать вповалку на одной печи, ходить возле изб, утопая в навозе; почему нельзя выровнять заборы, выкрасить стены, расчистить территорию, привести в порядок хозяйственные постройки, посыпать гравием или песком дорожки в саду и возле дома и отскрести от нечистот этих нескольких оставшихся в живых несчастных животных. Он посмотрел в окно. На обочине проселочной дороги стоял мальчик лет пяти - соседский сын - и смотрел в большую яму. Лишь верхняя его половина была одета в рубашку и кепку. (Может, здесь это и означает – «только стыд прикрыть»?) У мальчика был постоянно открыт рот: через нос он дышать, по-видимому, не мог из-за распухших аденоидов. Рядом на земле сидела его младшая сестра и копала грязь коровьим копытом. На ней была длинная кофта, из-под которой вылезали длинные - до колен - рейтузы. Когда ее окликал брат, она поворачивалась к нему всем туловищем: крутить головой ей мешал большой чирей на шее. «Катка, а Катка, - раздался истошный крик соседки, - ты куды, змея гноявая, копыто задевала? Я ж яго кобелю хотела скормить, а то йон таньше глисты, уже и ня брешет, родимец, того гляди издохнет!» Господи, и что это за язык - тарабарщина какая-то, набор невнятных звуков!

Из ямы появился сам отец семейства – Ленька. Возможно, он искал что-то в яме, но, скорее всего, просто там лежал. Вылезши на поверхность, Ленька застыл, оставшись стоять посреди дороги. Простоял он так не долго: телега, влачимая едва идущей клячей, сбила его. Сидевший на телеге старик, дымивший козьей ножкой, лишь укоризненно протянул: «А во как...» Ленька остался лежать на спине, глядя в небо. Его даже стало немного жалко. Это «застывание» случалось с ним довольно часто, из-за него, говорят, его не взяли в армию. Даже односельчане считали Леньку ни к чему не пригодным. Рассказывали, что когда на него напали зимой волки, они не стали его есть. Только оторвали ступню, да и ту потом бросили. Вранье, конечно, нажрался Ленька, наверное, какого-нибудь своего варева да и отпилил себе ногу на пилораме, когда она еще работала. Вот прошлым летом, например, Ленька полез на липу, на которой завелись шмели, чтобы разорить их гнездо. Долез до половины и застыл на ветке. То ли как обычно застыл, то ли

понял, что не долезет до гнезда. А потом начал падать и каждый раз, когда бился об очередную ветку, охал. Наконец, долетел до земли, где его покусали шмели. Руку тогда поломал.

Нет уж, лучше смотреть на «великую Россию» с другой стороны. Он вышел через заднюю дверь в сад и сел на скамейку под яблоней. На лугу собирался туман. Освещаемые низким вечерним солнцем стволы сосен за рекой выглядели золотыми. Ярко-желтая иволга раскачивалась на липовой ветке. За бугром и сосновым лесом небо было темным, густым, и оттуда доносились грозные раскаты. Где-то в той стороне, далеко – большие города: Брянск, Орел, Курск. Что-то шевельнулось в кустах возле бани. Присмотревшись, он увидел сидящего на корточках пацана, подтиравшегося листьями лопуха. «Пристрелить его, что ли,» - подумал он, встал и решительно зашагал к дому.

Вообще удивительно, что среди «всего этого» есть этот сад, этот дом-корабль, обставленный самодельной, но необычайно добротной мебелью. (Хозяин, видно, был большой умелец, не хуже финского мастера.) Удивительно, что на фоне этого генетического хлама мог появиться Мишка. Хотя, может быть, главную роль здесь сыграла его мать – Мария - особа тоже незаурядная. Мишка рассказывал, что она была из польской дворянской семьи, из-за чего в свое время натерпелась от Советской власти. Жизнь ее была полна мучений и тяжкого труда, однако несмотря ни на что она продолжала оставаться красивой: черты лица ее были тонкими, осанка – прямой, и этого не могли скрыть ни убогие тряпки, в которых она ходила по хозяйству целыми днями, ни бесформенные чуни на ногах, ни скрюченные от работы пальцы. Только не улыбалась она никогда. Большие серые ее глаза, казалось, были обращены вовнутрь и не задерживались на окружающих. С постояльцем она никогда не общалась, полностью переложив эту функцию на Мишку. Сам же Мишка к общению прибегал лишь в случаях крайней необходимости. Чаще всего оно осуществлялось опосредовано, через наблюдение друг за другом. Наблюдать же за этим 13-летним мальчишкой было довольно интересно. В школу Мишка, естественно, не ходил: она уже давно закрылась по причине отсутствия учительских кадров, хотя в свое время признавалась лучшей деревенской школой Российской Федерации. Тем не менее, в свободное от работ время Мишка читал учебники старшего брата, нынешнее местонахождение которого хранилось в тайне, и по физике и математике «был» уже в 9-м классе. Одним из любимых его времяпрепровождений было решение математических задач и головоломок. Его фанерная этажерка была плотно заставлена учебниками, задачками и старыми научно-популярными журналами для молодежи. В Мишке была также явная инженерная и изобретательская жилка. В его детекторном приемнике даже сам детектор и наушник были самодельными; источником питания была динамо-машина, приводимая в действие от вращающегося на ветру пропеллера или от ручного заводного механизма; довольно высокая избирательность приемника обеспечивалась ползунком, перемещавшимся по длинной и толстой катушке, обмотанной медной проволокой. Радиодетали и всякие мелкие части были аккуратно разложены по ячейкам в большой картонной коробке. Лишь к одной коробке невозможно было не испытывать симпатии и уважения.

В то же время в молчаливых их взаимоотношениях было еще что-то: что-то похожее на состязательность. Началось это с первой рыбалки на озере. В тот день он вышел на берег на утренней зорьке и стал забрасывать спиннинг. Под ореховым кустом он заметил Мишку, который ловил рыбу на какой-то дрын. Увидев складную удочку, спиннинг и ящик со снастями, тот невольно раскрыл от восхищения рот и опустил дрын в камыш. Однако рыба клевать на чудо-снасти не хотела, а две блесны зацепились за коряги и остались в озере. Мишка же, придя домой, шумно выгрузил в миску пять жирных линей и с десятков карасей. История эта повторялась на всех последующих рыбалках. Бесчисленные коряги и непролазные водоросли мешали использовать преимущества спиннинга, а искусительные искусственные наживки не привлекали рыб, которые, подобно местному населению, привыкшему есть всякое говно, никак не реагировали на заморские прелести. Даже ранней весной, когда щука должна идти на блесну, ничего не ловилось. Шла же щука – и большая, и маленькая - на кривой Мишкин гвоздь, проткнутый сквозь дохлую рыбку. Гвоздь был привязан суровой ниткой к деревянной рогатке, которая подвешивалась над водой к кусту. От самого этого приспособления веяло чем-то варварским и первобытным. Но верхом Мишкиного совершенства была ловля рыбы руками. В мутной речушке, вытекающей из озера, Мишка, раздетый до дырявых трусов, нашаривал в местах поглубже коряги. После чего погружался по грязную свою шею в воду, заводил обе руки под корягу и вытаскивал налима – толстую и довольно длинную хищную рыбку, которую в здешних краях называют «менухом». Мишка употреблял еще одно, более длинное, чуть ли не по латыни звучащее название, запомнить которое было невозможно, хотя оно и было аккуратно записано в записную книжку. Столь примитивный способ рыбной ловли противоречил всем спортивным правилам и казался чуть ли не оскорбительным. Даже появлялось подозрение, что мальчишка делает это специально, как бы в издевку. Как бы то ни было, со временем желания ходить на озеро становилось все меньше, и все чаще вспоминались горные стремительные ручьи, на которых он ловил форель нахлыстом на искусственную муху, как настоящий спортсмен. Почти каждый вечер он рассматривал свой походный альбом. В нем, помимо карточек жены и детей, он хранил фотографии, на которых был запечатлен он с самыми крупными своими трофеями: гигантской форелью, принесшей ему первый приз на чемпионате, марлином, пойманном возле берегов Кубы, и красноморской барракудой. Боже, какие были времена! А сейчас? Это «неправильное» озеро, мутная речуха, этот Мишка... О каких спортивных трофеях он сможет рассказать в своем обществе рыболовов-удильщиков? Разве что о маленьком засранце в лопухах? А ведь поначалу были планы написать статью в газету общества о рыбной ловле в средней полосе России!

Конечно, проще всего было бы плюнуть на все эти финские снасти, пойти в знойный полдень на речку, раздеться, залезть в воду и пошарить под корягами. Но сразу же представлялись соседские выродки, которые застынут как изваяния на берегу с открытыми ртами и неотрывно будут смотреть на него своими выпученными глазами без ресниц, иногда переговариваясь друг с другом на гнусавом своем наречии. А где-нибудь рядом, в ольховнике, будет стоять невидимый, ухмыляющийся Мишка. Конфуз, к тому же, возможен полный: нет никакой гарантии, что он сумеет поймать этого налима или менуха, или как там его

еще, ведь почему-то только Мишке удавалось находить и вылавливать этих скользких рыбин. Так что все ограничивалось лишь одним порывом, хотя наблюдение, часто скрытое, за тем как и где ловил Мишка рыбу руками, велось...

Ну, вот и все. Он провел по лицу рукой и остался доволен гладковыбритой кожей. Сполоснув помазок, он уложил бритвенные принадлежности и в последний раз окинул взглядом неказистую обстановку своей комнатки: белую голландскую печку, узкую деревянную кровать, стол с единственным выдвижным ящиком и легкий плетеный стул. Все вещи были уже вынесены в машину. В доме никого не было: Мария ушла к соседям, а Мишка куда-то пропал еще со вчерашнего дня. Наверняка, убежал в лес, к своему старшему братцу.

Он сел за стол, раскрыл планшет, извлек из походного альбома фотографию. С фотографии улыбался он сам, держа на весу огромную щуку. На обратной стороне химическим карандашом он аккуратно вывел:

Michel!

Wünsche Dir Erfolg im Studium und weiteres Gelingen beim Físchifang!

Leutnant Hans Gruber¹

Он положил фотографию на стол, встал, перекинул планшет через плечо, привычным движением проверил, на месте ли вальтер и застегнута ли кобура, и быстро вышел.

Во дворе денщик что-то еще загружал в машину. По дороге тянулись окутанные дорожной пылью грузовики и бронетехника. Раскаты на востоке были теперь гораздо громче. Ханс подошел к машине. «Alles einsatzbereit, Herr Leutnant!»² - отрапортовал денщик. Ханс отворил дверцу кабины и замер. Затем оглянулся вокруг, снял планшет и портупею, бросил их на сиденье, развернулся и стремительно зашагал к реке. На ходу он расстегнул и стянул с себя китель. Вот и этот омут под ракиновым кустом, который он уже давно приметил. Быстрее же, быстрее! Он сбросил с себя форму и в одних подштанниках полез в воду. Омут оказался довольно глубоким для такой, казалось, мелкой речушки: вода доходила до пояса. Ногами Ханс стал ощупывать илистое дно. Вот она, коряга! Опустившись в воду по шею, Ханс медленно стал сводить руки под в углублении под корягой. Ну, ну, ну! Где же ты, где? Вдруг что-то упругое и склизкое мощно провернулось под его руками, и он что есть силы сжал пальцы. Попавшее в западню животное в начале отчаянно сопротивлялось, потом замерло. Ханс выпрямился и поднял из воды толстое гладкое тело примитивной рыбы. На берегу к нему, мокрому и измазанному глиной, подбежал встревоженный денщик. «Herr Leutnant, was ist

---

¹ Мишка!

Желаю тебе успехов в учебе и новых удач в рыбной ловле!

лейтенант Ханс Грубер

² Все готово, г-н лейтенант!

das?»³ «Was, was... Huitebevglaz!»⁴, - как то сразу вспомнил Ханс то другое, длинное название налима и хрипло рассмеялся. «Hol' schnell die Kamera»⁵!»

За окном кабины грузовика проносились черные избы. Ханс более не замечал их. Покачиваясь на сидении, он было уже далеко - на заседании общества рыболовов-удильщиков, на котором он представлял свою новую статью: «Ловля Huitebevglaza руками в средней полосе России.»

---

³ Г-н лейтенант, вас ист дас?

⁴ Что, что...менух – вот что!

⁵ Фотоаппарат тащи, быстро!